

ОН – МОЯ ТЬМА.
МОЕ ИСКУШЕНИЕ.
МОЯ ОДЕРЖИМОСТЬ.

ОДЕРЖИМОСТЬ

КАМИЛЛА СКРИПНИЧЕНКО

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Камилла Скрипниченко

Одержимость

«Автор»

2026

Скрипниченко К.

Одержимость / К. Скрипниченко — «Автор», 2026

Серафима Невмар построила свою жизнь сама. Лучшие показы, мировые бренды, тысячи вспышек фотокамер — всё это стало наградой за годы тяжелой работы. Данте Хадсон давно привык жить по другим законам. Он — глава могущественной Семьи. Мужчина, которому нельзя ошибаться. Мужчина, который уже сделал свой выбор много лет назад. Но одна случайная встреча меняет всё. Пока чувства становятся сильнее здравого смысла, вокруг них разворачивается настоящая война. Предательство приходит от тех, кому доверяли. Союзники становятся врагами. А любовь требует слишком высокой цены. Иногда, чтобы обрести своё счастье, приходится потерять всё. И главный вопрос вовсе не в том, смогут ли они быть вместе. А в том, останутся ли они собой, когда весь мир будет требовать сделать иной выбор.

© Скрипниченко К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Камилла Скрипниченко

Одержимость

Глава 1

Очарование показов не только в самом выходе на подиум, но и в той атмосфере, что царит за кулисами до начала и после финального прохода. И, конечно, в ослепительном свете софитов, которые в одно мгновение оказываются направлены только на тебя. Я бы солгала, если бы сказала, что не жила восхищением толпы.

Мне пришлось замереть перед длинным коридором, не желая вмешиваться в разгоревшуюся словесную перепалку. Судя по голосам, наш менеджер Джон и координатор Кендра отчаянно пытались оправдаться за неудачно подобранный оттенок ковровой дорожки, который оказался недостаточно близок к цвету платья миссис Хадсон.

Я мысленно закатила глаза, сдерживая сильное желание громко цокнуть языком, чтобы меня услышали. И натянув маску — безупречную улыбку, абсолютно довольного человека, вышла в главный холл перед самым выходом на подиум.

— Я просила индийский красный, а это — терракотовый! — миссис Хадсон, молодая жена бизнесмена, едва не ткнула Кендре в лицо отрезком ткани. — Вы испортили мой показ!

Ее светлые волосы подрагивают при резких движениях и я замираю, пробегаясь по ней взглядом.

Она театрально закатывает глаза и обиженно дует губы — типичная манера женщины чуть под тридцать, искренне убежденной, что мир существует исключительно ради исполнения ее желаний.

— Мы приносим свои извинения, миссис Хадсон, — спокойно отвечает Кендра, хотя по напряженным плечам было видно, каких усилий ей стоит сохранять самообладание. — Оба оттенка относятся к индийскому красному. Разница лишь в том, что цвет может незначительно отличаться в зависимости от производителя. Ковер изготовлен местной компанией, а платье — в Италии, вручную.

Миссис Хадсон оказалась высокой блондинкой, и возвышалась на шпильке почти над всеми. Светлые волосы выглядели слишком безупречно, чтобы быть натуральными, а ромбовидное лицо с острыми скулами придавало ей холодную, почти хищную красоту.

Красное платье идеально подчеркивал комплект рубинов: массивное кольцо, серьги и тонкий браслет вспыхивали в свете яркого света, словно языки пламени. Каждый камень кричал о роскоши, а весь ее образ словно говорил окружающим, что она привыкла быть центром внимания.

Позади стоял ее муж — Данте Хадсон. Если она возвышалась, то его тень ложилась как покрывало на всех.

Мужчины рядом с ним меркли в размере. Джон и вовсе пропадал из виду.

Если бы меня спросили, как выглядит мужская красота, я бы, не раздумывая, назвала его имя. До этого дня я ни разу не видела мистера Хадсона вживую. О нем говорили многое, но чаще всего повторяли одно: в реальности он производит еще более сильное впечатление, чем на фотографиях.

И они ни разу не преувеличивали.

Прямоугольное лицо с четко очерченными скулами, ровный нос, полные губы и большие темно-карие глаза. Густые брови лишь подчеркивали строгие, почти безупречные черты. Темные волосы были уложены в идеальный андеркат, будто он только что вышел из кресла дорожного барбера.

Но сильнее всего внимание притягивала его фигура. Широкие плечи, мощная грудь, узкая талия и уверенная осанка создавали образ человека, который привык занимать собой пространство. Он возвышался позади жены, спокойно наблюдая за перепалкой, не вмешиваясь, лишь удерживая ладонь на ее талии. В этом жесте не было ни нежности, ни раздражения — только спокойная уверенность человека, знающего, что все вокруг и так под его контролем.

И сейчас он считывал проблему ища ее решение.

И не сомневаюсь, что он бы устранил любого отсюда, если бы это гарантировало положительную реакцию жены.

Я невольно усмехнулась. С таким мужчиной за спиной, пожалуй, действительно можно позволить себе вести себя как законченная стерва.

— Лаура, я думаю, что отличия не столь глобальны, чтобы переживать о них сейчас.

Его голос был низким, бархатным, почти интимным, и вместе с тем звучал как тихое предупреждение, которое невозможно проигнорировать.

— Мы все отменим.

Миссис Хадсон резко сбросила с талии руку мужа и направилась к столу с закусками, приготовленными для моделей. Не спрашивая разрешения, она откупорила бутылку шампанского и с видом полноправной хозяйки щедро наполнила себе бокал.

— Учитывая свет софитов, такие небольшие колебания в цвете будут играть на пользу. Ваше платье будет выделяться, — я впервые подала голос, и обратила на себя все внимание, выйдя из тени.

Все взгляды тут же обратились ко мне, впиваясь тысячами иголок. Кендра одним лишь взглядом сказала «молчи», и обернулась к Хадсонам.

На мне уже было первое платье, в котором я должна была открыть показ. Я привычно расправила плечи, приподняла подбородок и встретила взглядом с Лаурой, готовая к возражениям, которая угрожающе нахмурилась. Я приоткрыла губы, создавая себе образ неприужденной, немного ленивой девушки.

Этот показ для Лауры Хадсон был дорогим развлечением. Бутики и дизайнеры охотно спонсировали вечер, предоставляя наряды и украшения, но сама женщина воспринимала происходящее как очередную возможность оказаться в центре внимания. В их мире деньги легко превращали любую прихоть в грандиозное событие.

Вот и сейчас она воспринимала нас как дополнение к игрушке, а не как отдельную функцию.

— Подскажите, у вас есть образование колориста? — Лаура склонила голову набок и, держа в руке бокал с шампанским, лениво указала им в мою сторону, словно обвинительным пальцем. — Тогда на каком основании вы позволяете себе подобные комментарии?

Слова ударили почти физически.

Лаура растянула губы в кривой, насмешливой улыбке, в которой читалось и пренебрежение, и раздражение. Она смотрела так, будто ожидала моего падения.

Я медленно втянула воздух через нос, собирая остатки самообладания. Очень хотелось ответить. Еще сильнее — стереть эту самодовольную улыбку с ее лица.

— Нет, но, я говорю это из опыта работы, — я натянула милую улыбку, заметив краем взгляда одобрительный взгляд координатора. Самообладание давалось мне трудно. А вежливость — еще труднее. Я часто вступала в перепалки с другими моделями, если они переходили мои личные границы.

— Лучше бы это действительно было так, — Лаура снисходительно фыркнула, закатывая глаза.

Она вздернула подбородок, развернулась на каблуках и, не удостоив меня больше взглядом, скрылась в гримерной.

Я проводила ее взглядом, с трудом удерживая выражение лица. Мне пришлось подавить желание выдохнуть, ведь в комнате все еще оставался Данте, который следил за мной.

Ну да. Ей-то зачем переживать? Над ее макияжем работали с самого утра, и, судя по всему, смыть это великолепие придется либо гидрофильным маслом, либо с применением силы, сравнимой с наждачной бумагой.

— Прошу прощения. Моя жена обычно более спокойно воспринимает стрессовые ситуации, но сегодня она очень волнуется.

Он говорил негромко, и в этом спокойствии было что-то особое — бархатное, мягкое, но с едва уловимой сталью внутри.

Его взгляд задержался на мне.

Я коротко кивнула, почти незаметно.

Он ответил легкой улыбкой — не мне, а ситуации в целом, смягчая острую ситуацию — и перевел внимание на менеджера и координатора, словно закрывая тему одним своим присутствием.

До начала шоу остаются считанные минуты.

Я медленно прошла к столу, соблазнительно покачивая бедрами, и прогнулась в пояснице, беря шпажку с сыром. Девочки взорвались коротким смехом, который сменился такой же резкой тишиной.

Я положила первый кусок в рот, минуя помаду.

Второй кубик оказался на шпажке, когда я обратила внимание на девочек. Их щеки залились пунцовой краской, взгляды потупились в пол.

Я подняла взгляд, отведя его в бок, к коридору — и вместо Кендры увидела Данте Хадсона.

— Я должен был постучаться. — Данте не смотрит на меня напрямую, только в сторону. Он не выглядит смущенным, для того, кто ворвался без стука.

Я поперхнулась сыром и резко потянулась к стакану с водой, стараясь не разрушить макияж и одновременно сохранить хоть какое-то достоинство.

— Я приношу извинения, — выдавила я с вежливой улыбкой, все еще смотря на мужчину, поддаваясь необычному притяжению.

Он сделал несколько шагов вперед, и каждый его шаг будто излучал природную опасность, будто шелк, скользивший по телу.

Все внутри сжалось, прося меня отступать, бежать. Но я не сдвинулась с места, поправляя подол платья. И, наверное, я бы не сбежала, даже если бы он показал зубы.

— Я хотел пожелать удачи, но, если честно не знаю, есть ли у моделей какие-то предрасудки на этот счет. У вас все есть? — его взгляд медленно переместился на стол с закусками, не задерживаясь на мне.

Я бы оскорбилась, если бы другой мужчина проигнорировал меня.

Я бы оскорбилась, если бы любой другой мужчина не сделал мне комплимент.

Но, тут мне казалось было что-то скрытое, в том, как его взгляд, игнорируя мою грудь, спустился вниз.

Я привыкла к тому, как на меня смотрят мужчины.

Слишком долго в этой индустрии взгляды становились частью фона: оценивающие, липкие, восхищенные, иногда откровенно голодные. Я знала, как на них реагировать — улыбкой, игнором или холодной дистанцией. Мужчины животные, женские тела — лишь мясо для хищника. Это было частью той жизни, которую мы принимали.

С людьми проще, когда они предсказуемы.

А он предсказуемым не был.

— Благодарим, мистер Хадсон. У нас все есть, да. Мы не любим желать удачи перед дефиле, — призналась Алиса, скромно улыбаясь. Из всех, кто тут был, она до сих пор смущалась вниманию мужчин.

Данте коротко кивнул, еще раз обвел взглядом комнату — стол, девушек, пространство — и, задержавшись на мгновение, так же спокойно направился к выходу.

Я уже почти успела выдохнуть, в ожидании, как комната наполнится кислородом. Однако, у него были свои взгляды на это. Он обернулся лишь на половину корпуса, задержавшись на мне взглядом и подмигнул. Так легко, будто он старый знакомый, мы знакомы с детства или он друг семьи.

И именно этот жест ударил сильнее — выбив из меня опору.

Я не сразу поняла, что именно меня зацепило.

Данте исчез из комнаты так, будто его и не было. Девочки вернулись к привычному щебетанию, обсуждая свои проблемы.

Перед глазами маячили фигуры, но все не задерживало моего внимания.

Кроме ощущения внутри, что детали этого паззла не сходятся.

Подмигивание было слишком простым, чтобы быть значимым. И слишком откровенным — чтобы быть случайным. Он четко выдержал паузу, выбрал идеальный момент, и точно знал, что я провожаю его взглядом.

Я знала это. Знала суть жестов. Внимание мужчины — игра, переходящая в охоту и флирт, сокращение дистанции и получение желаемого. Но тут — это не было похоже на стандартную схему. Данте не выглядел как тот, кто будет искать моего внимания.

— Серафина, ты готова?

Я обернулась, выходя из оцепенения.

Кендра стояла в проходе зала ожидания, и ее появление на секунду показалось слишком резким — будто меня выдернули из какого-то другого пространства.

Или я просто все еще смотрела ему вслед, словно он держал меня за поводок.

За кулисами всегда есть этот переходящий этап. Когда ты еще не сидишь, но еще не на сцене.

В этот момент остается лишь твое дыхание, сердцебиение и ощущения, что все уходит из-под ног.

Первые дефиле были именно такими: смесью волнения, адреналина и болезненного ожидания. Когда ты дрожишь, сжимая руки в кулаки, выглядывая наружу. Когда свет ослепляет, и ты оглядываешься.

Сейчас ничего не изменилось. Кроме того, что я больше не оглядываюсь.

Я глубоко вдохнула, расправила плечи и чуть откинула голову назад, поднимая подбородок ровно на ту высоту, где заканчиваются сомнения и начинается сцена.

Когда-то мне говорили, что у меня есть все для большой карьеры — рост, пропорции, лицо, которое «работает под свет».

Потом рост остановился.

И в индустрии это прозвучало почти как приговор.

Менеджер тогда нервно ходил по комнате, хватался за голову и повторял, что все может рухнуть. Что я «не дотянула».

Я дотянула.

До каблуков, которые стали продолжением моих ног. До осанки, которую я научилась держать так, будто иначе не умею. До той версии себя, которая могла не просто выходить на подиум — а заставлять смотреть на себя.

Я не пробивала карьеру ростом.

Не лицом.

И уж точно не тем, о чем любят шептаться за углами, когда ты становишься предметом обсуждений.

Я превращала каждый выход в шоу.

И это работало.

«Cosmopolitan». «Elle». «Vogue».

Дважды — «Vogue». Трижды «Cosmopolitan».

Списки самых красивых женщин, светские хроники, открытие сезона Формулы-1 — все это стало не исключением, а частью привычного ритма. Меня приглашали на закрытые вечера, женщины подходили, чтобы познакомиться, а мужчины не оставляли без внимания.

Да, многое зависело от агентства, и я была безмерно благодарна Виктору, что он заметил меня среди других девушек, сделал мне имя, и всецело мне доверяет.

Виктор его за глаза называли «директором» или «папой моды». Он слишком давно был в этой индустрии, чтобы что-то в ней его удивляло. И, пожалуй, именно поэтому он всегда видел чуть дальше остальных.

Он умел собирать людей, как пазл: подбирать моделей, дизайнеров, показы, образы. Точно знал, кто с кем сработается на подиуме, а кто разрушит весь ритм. В его руках оживали чудеса. Он был настоящим профессионалом, и работать в его команде — самое дорогое, что я могла бы получить в жизни.

— Давай, — кивнула мне Кендра.

И я шагнула вперед.

Сначала — в свет софитов.

Потом — в вспышки камер, которые встретили меня, как знакомого гостя.

Софиты ударили в лицо, и мир мгновенно сузился до белой полосы передо мной.

Тело, закаленное изнурительными тренировками, знало, что делать.

Шаг.

Перенос веса.

Я слышала восторженные крики, пока медленно скользила пальцами по юбке серебряного платья, расшитого мелкими камнями. Свет софитов дробился на ткани, превращая каждый шаг в мерцание.

Прозрачный верх едва держал форму лифа, корсет подчеркивал талию, а за спиной расходились декоративные элементы, похожие на крылья, переходящие в длинную прозрачную бахрому. Юбка тянулась за мной почти на полтора метра, оставляя за собой шлейф света и движения.

Я дошла до края подиума.

И остановилась.

Почти.

Мое тело оцепенело, когда я зафиксировала его.

Данте Хадсон.

Он смотрел на меня со своего места в первом ряду прямо напротив сцены.

И в его взгляде я читала интерес. И что-то еще. Запрещенное. Дикое. Необузданное.

Пауза.

И только когда я медленно провела рукой вверх по линии бедра, затем выше — к волосам, завершая движение мягким, почти ленивым жестом, его взгляд изменился окончательно.

Я видела, как сменилась его поза, как он напрягся и набрал в легкие кислорода.

Я отвела взгляд, разворачивая корпус, чтобы разорвать наш зрительный контакт. Мне уже не хватало кислорода, и я боялась упасть.

Алиса уже стояла в тени, готовая выйти в следующем образе — легком розовом мини с бахромой и одним рукавом.

Аплодисменты накрыли зал волной.

Но я шла, не моргая, пока не скрылась в закулисы.

И только там позволила себе вдохнуть.

Глаза предательски защипало.

Я моргнула раз, второй — сбрасывая напряжение, которое почему-то оказалось тяжелее, чем весь выход на подиум.

— Ты была великолепна, — Джон обнял меня за талию и увел в сторону гримерки, где у меня было всего сорок минут, чтобы полностью сменить образ и выйти на финальный выход.

Меня все еще слегка потряхивало, когда Зои быстро поправляла макияж, не задавая лишних вопросов, а потом передала меня Кайли — к платью, которое я видела впервые.

Его привезли из Франции специально для этого показа. Его ждали, за него переживали — потому что, несмотря на идеально снятые мерки, никто до конца не был уверен, как оно «сядет» в движении.

И когда я наконец его увидела, стало понятно почему.

Кайли изрядно потела, поправляя каждую ленту и перо.

Корсет с разделенным лифом, расшитый мелкими перьями и тонкими золотыми лентами, переходил в объемную юбку на бедрах, которая затем снова сужалась и расходилась в длинный шлейф почти на метр. Спереди платье было смело открытым, подчеркивая ноги, а вся фактура ткани жила от каждого движения. Черные перья добавляли глубины, почти хищной.

Белые туфли с блестками и завязками завершали образ. Украшений почти не было — только крупные серьги с камнями.

Платье само по себе было заявлением.

Я смотрела на себя в зеркало и впервые за вечер не сразу узнала отражение.

Темные волосы собрали в гладкий пучок, открыв спину. Линии платья подчеркивали талию, грудь, бедра — не скрывая, а будто заново выстраивая силуэт.

Этот образ можно было назвать «живое желание».

— Ты великолепна, — выдохнула Кендра, когда я вышла в холл.

Девочки уже собрались вокруг, рассматривая меня так, будто я вышла не на переодевание, а на финальную трансформацию шоу. Все смотрели, не скрывая восторга.

Обычно мы менялись быстро, почти механически.

Но сейчас даже воздух казался другим — плотнее, внимательнее.

— Виктор будет в восторге, — добавила Кендра с легкой улыбкой.

Я только кивнула.

И за то, что оно на несколько секунд заставило меня забыть, кто я вне этого света.

После сигнала я подошла к выходу на подиум и встретила глазами с Лизой. Она едва заметно улыбнулась, пряча за этим жестом восторг.

Я тоже была в восторге — от того, что это платье сейчас на мне.

— Иди, — Кендра и Джон проводили меня к выходу.

Я сделала глубокий вдох, расправляя плечи и двинулась вперед — навстречу толпе. Сначала меня встретила яркая вспышка. А после — восторженные вскрики, смешанные с аплодисментами. Камеры, софиты. Все следило за каждым моим шагом.

Я не видела ничего кроме якоря впереди меня — Хадсона, сидящего рядом с женой. Его рука лежала на ее колене, заявляя права. Но взгляд говорил о другом.

Будто он не замечал ее.

Он смотрел не отвлекаясь. Его лицо не изменилось ни разу, пока я не дошла до конца, виляя бедрами.

Лишь тут он склонил голову вбок — будто уже не просто наблюдая, а разбирая платье слой за слоем.

И вот тогда мне стало по-настоящему жарко.

Взмах юбки. Поворот. Мягкое движение плечами.

Рука — в воздух, ловя свет, аплодисменты, внимание.

И на долю секунды — абсолютная тишина внутри, несмотря на шум зала.

Это было оно. То, чем я жила. Не просто показ. А тот момент секунды, когда ты становишься своей лучшей версией.

Момент, в котором десять лет назад девочка, не верившая в это, перестала бы узнавать себя.

Когда я скрылась за кулисами и сбросила платье, Алиса подбежала первой.

— Это было нечто!

Она обняла меня за плечи, и только тогда я наконец позволила себе выдохнуть.

Глава 2

Нас всех пригласили на гала-ужин.

Жаль, что Виктор был занят подготовкой к неделе моды во Франции и не смог присутствовать лично. Он всегда говорил, что такие вечера — не просто продолжение показа, а отдельная сцена, где все снова становятся участниками игры.

Я выбрала зеленое бархатное платье с плотными лямками и декольте сердечком. Сзади ткань мягко собиралась на бедрах, открывая загорелую спину. От плеч до поясницы свисали белые бусы, словно струи света — одни короче, другие длиннее.

Волосы я оставила распущенными, слегка подкрутив плойкой. Минимум украшений — цепочка, серьги, тонкий браслет. Ничего лишнего.

И поспешила к остальным.

— Сегодня кто-то найдет мужа, — хихикнула Тина.

Я скромно улыбнулась, опуская взгляд.

Банкетный зал уже жил своей жизнью: Кендра ушла к прессе, Джон растворился в знакомых, Алиса и Лиза исчезли в толпе. Мы с Тиной остались у фуршетного стола — как будто нас специально туда притянуло.

И, честно говоря, я не сопротивлялась.

Сыры, мясные нарезки, оливки, канапе, тарталетки, десерты, шоколадный фонтан.

— Боже — выдохнула я. — Я в раю.

Тина улыбалась, пока я поглощала Бри кусок за куском, наслаждаясь мягким вкусом и текстурой.

— Готова отдаться за Бри, — я пошутила, подняв голову в сторону Тины, но вместо нее там стояла крупная мужская фигура. Не такая впечатляющая, как у Данте, но достаточная, чтобы я сделала шаг назад, подскочив на месте.

— Могу обеспечить пожизненный запас бри, — мягко сказал он, наблюдая за моей реакцией. Я заглядываю за его спину, где Тина смотрит на меня, весело кивая.

— Спасибо, но я, пожалуй, откажусь, — вежливо ответила я, делая шаг назад.

Он только усмехнулся и, не спеша, взял кусочек сыра сам, как будто это было продолжение игры, а не отказ. Его синие глаза неотрывно следили за мной, скользя по изгибам тела, скрытые платьем. Сдержанно улыбаясь, я выкинула шпажку в мусор, делая еще шаг назад.

Незнакомец взял Бри и закинул в рот, медленно пережевывая кусок. Тина хихикнула, и поспешила скрыться у десертов, бросая меня на произвол. Сволочь. Я закатила глаза ей в след.

— Я могу попросить ваш номер? Я остался под впечатлением после вашего показа.

— Прошу прощения. Я не даю номер и не знакомлюсь, — я отрицательно киваю головой, все еще сдерживая вежливую улыбку на губах.

— Очень жаль. Меня зовут Энтони, и, может вы бы передумали после ужина? — Энтони потянулся рукой в карман, но с досадой поджал губы. — Черт, забыл визитки. Одну секунду, не сбегайте, — широко улыбнувшись, обнажая белоснежные зубы, Энтони подошел к одному из официантов, видимо прося бумажку и ручку. Тот неохотно, но все же передал канцелярию гостю.

Я уже открыла рот для вежливого отказа, когда рядом прозвучало:

— Тони?

Голос был спокойный, почти ленивый. И я узнала его в суматохе ужина.

Данте Хадсон появился рядом так же тихо, как всегда — с заявлением на то, что пространство принадлежит ему.

— Дружище, подожди минуту, — не растерялся мужчина. — Я как раз

— Ты смущаешь Серафиму, — перебил Данте спокойно.

Я на секунду замерла.

Он запомнил мое имя.

Энтони поднял руки в примирительном жесте и рассмеялся:

— О, боже. Приношу извинения, сыр в твоём распоряжении, — Тони сделал шаг, предоставляя мне больше места к сыру, но я лишь кивнула вновь, в надежде, что от меня отстанут.

— Этот Бри де Нанжи из Франции, — Данте взял себе кусочек сыра и отправил в рот, а я едва не застонала от безнадёжности. Лучше бы он увел своего друга, а не устраивал светскую беседу со мной.

— Да. Мне больше нравится Бри де Мо, он более нежный. Но подавать его здесь было бы неудобно — он бы растекся, — я улыбнулась, все же взяла на шпажке кусочек сыра и закинула его в рот.

— Может, все же, согласились бы на ужин? Я бы купил ради вас весь Бри в мире, — Энтони вновь улыбнулся мне, протягивая шпажку с Бри, и я приняла ее, благодарно улыбаясь.

— Простите. Уже в воскресенье меня здесь не будет. Во вторник начинается показ мод в Париже, и я буду там.

— Оу, — Энтони выглядел удивленным, но оборотов не сбавил. — Мы можем поужинать как вы вернетесь. Или я могу прилететь в Париж.

— Тони, хватит. Не видишь, что ты не впечатлил даму? — с легкой ноткой насмешки, Данте положил руку на спину друга, легко прихлопывая.

Он развернул друга и, прежде чем уйти, посмотрел на меня:

— Серафина. Спасибо за показ. И за вечер. И за то, что успокоили Лауру.

Пауза.

— Наслаждайтесь.

И исчез вместе с Энтони. После чего я вновь вернулась к еде.

— Ну? — Тина появилась рядом слишком довольная.

— Ну, — устало сказала я. — пошла ты в задницу.

— Ты дала ему номер? — Тина закатила глаза, пробуя канапе с мясом и сыром.

— Нет. Он дал мне свой. Но я ему не позвоню.

— Почему?! — слишком громко воскликнула она и тут же прикрыла рот ладонью, озираясь по сторонам. Несколько гостей обернулись, но быстро потеряли к нам интерес.

Я тем временем нашла омара и на секунду забыла обо всем остальном.

Как же здесь все было вкусно.

И как странно спокойно — несмотря на то, что вокруг собрались люди, привыкшие к вниманию, а не к отказам.

Большинство девушек держались ближе к хозяевам вечера, словно инстинктивно выбирая безопасную зону.

— Это был Энтони Грант! — не унималась Тина. — Ты понимаешь, кто это? Его отец — нефтяной магнат. Он единственный наследник. Как можно было отказать?

— Да хоть сам Господь Бог, — спокойно ответила я, пробуя еще один кусочек.

Я знала это правило слишком хорошо.

Не знакомиться со зрителями.

Не смешивать подиум и реальность.

Виктор повторял это не как запрет — как страховку. Потому что слишком много моделей страдает от фанатов, или от своих желаний.

— Ты говоришь как Вик, — хмыкнула Тина и, развернувшись, растворилась в толпе.

Ее розовое платье исчезло почти сразу — слишком много людей, слишком много движения, слишком плотная, чужая для нее среда.

Я только обреченно выдохнула и вернулась к закускам. Не моя забота учить молодых девочек поведению. И иногда лучшее обучение — наглядный пример.

Иногда еда здесь была единственным, что не требовало от тебя правильных решений.

Тина пришла к нам недавно.

Красивая — это бесспорно.

Но в этой индустрии этого всегда недостаточно.

Ей еще предстояло понять разницу между вниманием и безопасностью, между шансом и риском, между тем, что выглядит как успех — и тем, что им действительно является.

— Я знал, что найду вас именно здесь, — Энтони появился рядом слишком уверенно для человека, которого только что мягко отшили.

Его взгляд был прикован к моему десерту с клубникой и шоколадом.

Я подняла на него взгляд и не удержалась от короткого, усталого вздоха, отступая от шоколадного фонтана.

— Ладно, понял, — он поднял руки в примирительном жесте и закинул в рот виноградину. — Я вас раздражаю.

Я закатила глаза, но уже без настоящего раздражения.

Клубника на вкус оказалась идеальной — сладкой, плотной, почти слишком правильной для этого вечера.

— Не раздражаете, — спокойно ответила я, — просто я не знакомлюсь. И не хочу, чтобы у вас сложилось неправильное впечатление.

Энтони чуть склонил голову, как будто обдумывал услышанное, а потом улыбнулся — легко, без давления.

И подмигнул.

Я не удержалась и все же улыбнулась в ответ.

На секунду здесь стало проще дышать.

На удивление, Тони оказался не только настойчивым, но и по-своему тактичным. Он был крайне галантен, даже когда мы танцевали.

Он довел меня до такси без лишнего давления, будто понимал разницу между интересом и вторжением. Уже у машины он снова напомнил про звонок — и тут же, словно опережая любой возможный неловкий смысл, добавил, что это не ради ужина. Просто, чтобы убедиться, что я доберусь домой.

А возможно — проверяя, сколько времени мне ехать и как далеко я живу.

Он сам оплатил поездку, наклонился к окну такси и пожелал доброй ночи, не задерживая меня и не пытаясь удержать.

Я кивнула.

Обещала подумать.

И закрыла за собой дверь реальности.

Глава 3

Первый день недели мод всегда был самым тяжелым.

И самым волнительным.

Это было открытие всего сезона — точки, с которой начинался год модных показов. Которая задавала ритм на сезон, кто как будет выглядеть и одеваться.

«Неделя высокой моды»

Пять дней хаоса, суматохи, переодеваний на бегу и чужих эмоций, которые прорываются сквозь идеальные улыбки. Здесь плачут даже те, кто привык не терять лицо. Это дни, когда тебя проверяют на слабость, и слабые — отсеиваются.

Мы с командой всегда работали на максимум, пробивая для себя как можно больше выходов через Виктора.

Потому что это — деньги.

И внимание.

Огромные суммы за каждый показ и шанс быть замеченной теми, кто потом решает, кто останется в индустрии, а кто исчезнет после сезона.

В первый день мне дают небесно-голубое платье, оно выглядело почти нереально — будто плотное облако, застывшее в форме ткани. Объемные плечи, узкая талия, мягкий переход в бедра, и дальше — волна, уходящая вниз. Разрез слева тянулся от середины бедра до голени, добавляя движению резкость.

Времени нет для фокусов. Строгая последовательность. Мы фигуры на шахматной доске, проходим вверх по эскалатору, спускаясь после вниз.

Мы идем цепочкой — одна за другой: модель из другого агентства впереди, я сразу за ней, Тина, потом Алиса и остальные.

Я позволяю себе отвлечься всего на секунду: и этой секунды хватает, чтобы увидеть его. Узнать эту фигуру, ленивую позу. Хищный взгляд.

Я сделала первый шаг по подиуму.

И именно в этот момент он поднял взгляд.

То, как он склоняет голову, видя меня. Отвожу взгляд — смотря в спину идущей передо мной модели и набираю кислорода в легкие, который сейчас обжигает.

И хуже всего — я не понимаю своей реакции на этого мужчину.

Я зашла за кулисы и поспешила выпить шампанского. Оно должно помочь сбросить напряжение и возбуждение. Но мысли возвращаются к мужчине. За время подготовки я почти забыла о нем. А сейчас каждая мысль о нем вспыхнула сильнейшим пожаром.

Закончив показ выходом на сцену всей нашей команды, с дизайнерами Hermes, я спешу первая переодеться и сбежать от неловких вопросов.

Я уже вышла из здания и оглядывалась в поисках такси, как вдруг резко почувствовала, что пространство вокруг меня будто стало меньше. Ощущение что меня укрыли чем-то тяжелым. И ощущение пришло раньше, чем тень перекрыла слабое освещение фонаря.

Я обернулась.

— О, мистер Хадсон..

Рука сама поднялась к груди, туда, где находилось дико бьющееся сердце и глубокого вдохнула, пытаюсь вернуть себе контроль.

Хадсон стоял так близко, что эта норма почти перестала быть социально допустимой и переходила в интимную. Я смотрела ему в глаза, не отводя взгляд. И впервые за все знакомство, он не выдержал первым.

Данте Хадсон слегка опустил взгляд, будто поставив точку в этом коротком молчаливом столкновении, и сделал шаг назад.

Один.

Ровно настолько, чтобы вернуть мне воздух. Но не расстояние.

— Не хотел тебя напугать, — спокойно произносит он. — Позволишь?

Я прослеживаю взглядом движение его головы и только сейчас замечаю то, что он прятал за спиной.

Огромный букет пионов.

Нежно-розовых. Пышных. Еще пахнувших летом, несмотря на холодный зимний вечер.

На фоне серого неба и припорошенных снегом улиц они кажутся почти невозможными — слишком живыми, слишком теплыми для этого времени года.

Я сдвинула фокус вбок — в надежде найти кого-то, кто мог бы передать цветы мужчине. Ведь клянусь, минуту назад в его руках было пусто.

Но рядом никого не было.

Как будто цветы просто возникли вместе с ним.

Я не сдержала улыбку и приняла букет, чувствуя, как мягкие лепестки касаются ладоней. Как пространство наполняется сладким цветочным ароматом.

— Это неожиданно, — тихо признаюсь, пряча лицо в букет.

И только тогда замечаю, посмотрев на него из-под ресниц, что он не смотрит на букет.

Он смотрит на меня.

— Спасибо за цветы. — дополнила тише, чем планировала.

— Не обязательно обращаться ко мне «мистер Хадсон». Можно просто Данте, — сказал он спокойным голосом, чуть наклонив голову вбок, как делал это всегда, рассматривая.

Я ответила ему вежливой улыбкой, хотя внутри все еще была настороженна.

— Не ожидала вас увидеть, — между признанием, я не скрыла недовольного вздоха, когда очередное такси проехало мимо, даже не замедляясь.

Данте медленно поднял руку, и в следующую секунду возле нас плавно останавливается Rolls-Royce.

— Я могу подвезти, — Данте открыл мне дверь, и я замерла, колеблясь. Я бы могла согласиться и сесть в машину, или, стоять тут в легком пальто, пока температура падает и ждать такси.

И хуже всего — что здравый смысл говорил сесть в машину. Ведь Данте не вызывает подозрений. Но то семя сомнения, которое я испытывала от ощущения Данте рядом, говорило отказаться.

Я выдохнула, и все же кивнула.

Он подал руку в обычном, вежливом жесте и я приняла ее, садясь в высокий автомобиль.

Дверь мягко закрылась за мной, отрезая холод улицы и шум города.

Черный кожаный интерьер встретил тишиной. Водитель не оборачиваясь смотрел вперед, оставаясь предметом мебели в салоне.

Я проводила взглядом Данте, который обошел машину сзади и сел с другой стороны, сохраняя между нами дистанцию.

— Где ты остановилась? Или, может, составишь мне компанию для ужина? — я растерянно перевела взгляд сначала на пионы, после обратно на мужчину.

— Я остановилась в «Лё Бристоль», как и вся моя команда, — я внимательно наблюдала, как на лице мужчины растягивается мягкая улыбка.

И снисходительный взгляд. Ощущение, будто он заранее знал ответ, и просто ждал подтверждения.

— Я понял, — мужчина опустил взгляд на наручные часы, — и ждут они всего двадцать минут, а после начинаю поиски пропавшей Серафимы, — Данте хрипло рассмеялся, отчего его кадык задергался вверх-вниз, и я замерла, заворожённая данным зрелищем.

— Мне почти неловко, что я создаю образ опасного мужчины. — он вновь склонил голову, когда наши взгляды встретились.

— Я думала, вам это льстит, — я постаралась, чтобы мой голос не дрожал, и спрятала неуверенность в пионах.

Он проследил мой взгляд, задержавшись на моих руках, а после сместился на водителя.

— В «Лё Бристоле».

В машине повисла гнетущая тишина, прерываемая только легким шумом движения и шелестом кожи, когда я поменяла положение.

Я прикусила губу, чувствуя, как внутри начинается привычная борьба, которая стала реальностью с момента появления этого мужчины.

Здравый смысл против риска и опасности.

— На самом деле, можно было бы и поужинать, — тихо произношу, не поднимая взгляда на него.

Данте не прокомментировал мою смену ответа, однако машина, после его утвердительного кивка, плавно изменила маршрут.

Как будто у меня и не было шанса.

Мы оказались в одном из самых дорогих ресторанов Парижа — месте, где кухня давно переставала быть просто едой и превращалась в демонстрацию искусства.

Я бывала здесь лишь однажды, после показа, вместе с Виктором. Тогда все казалось частью знакомства со спонсорами. Это было строго, официально, быстро.

Здесь же ощущение сгушалось по-другому.

Администратор встретила нас с безупречной улыбкой и проводила в одну из частных кабинок, где пространство сразу отрезало внешний мир. Меню легло на стол перед нами, но почти сразу стало понятно, что оно здесь — скорее формальность.

Через несколько минут появились закуски.

Тонко нарезанное мясо, аккуратно разложенные фрукты, грибы, маленькие соусы, которые выглядели почти слишком идеально, чтобы их трогать.

И среди всего этого — бри де мо.

Мягкий, нежный, с той самой текстурой, которую невозможно спутать ни с чем другим. Мой рот мгновенно наполнился слюнями, а мозг абсолютно выключил мысли о Данте.

Я почувствовала, как голод предательски берет верх над любыми мыслями о приличии или светских правилах.

Меню я даже не открыла.

Просто взяла вилкой кусочек бри и отправила в рот, не сдерживая удовлетворенного стона.

Вкус раскрылся сразу — сливочный, чуть ореховый, с легкой сладостью. Фрукты, грибы, тонкие ноты соуса — все собралось в один идеальный вкус.

Я невольно прикрыла глаза.

И только потом вспомнила, что напротив меня сидит человек, который, кажется, наблюдает не за едой.

А за тем, как я позволяю себе наслаждаться ею.

Я мгновенно открываю глаза, встречаясь с ним взглядом.

— Я сделаю заказ на свой выбор, если ты не против, — он не дожидаясь моего ответа, и не смотря в меню позвал официанта.

Он чувствовал себя здесь уверенно, ступая по знакомой территории. Уверенно продиктовал заказ и отпустив официанта, перевел внимание на меня.

Первым блюдом у нас был буйабес с морепродуктами, насыщенный, с прованскими травами и томатом. Он отлично сочетался с багетом и чесночным соусом, который к нему подали.

— Вы здесь случайно или по делам? — я первой нарушила паузу, как только официанты закрыли за собой дверь в нашу комнату уединения.

Данте не сразу ответил.

Сначала он попробовал суп, размеренным движением отломив кусок багета.

— Не волнуйся, я не слежу за тобой. — наконец ответил он, — я здесь по работе. Переговоры. И между делом вспомнил, что идет открытие сезона мод.

— Недели мод. — аккуратно поправила его, и сразу же прикусила язык, опасаясь его реакции.

Данте поднял на меня взгляд, медленно кивнув.

— Все равно вечер у меня свободный, — Данте пригладил жесткие волосы, убирая их наверх и вернулся к супу.

Это, что, «пока я ем, я глух и нем»?

Я дернула бровью, выражая небольшое раздражение.

И впервые за вечер я подумала не о том, почему он здесь.

А о том, сколько причин он решил мне не называть.

— О, это мило, — я снова замерла, когда он улыбнулся лишь уголком губ и почти лениво провел языком по губам, убирая томатный соус.

Я на секунду слишком внимательно зафиксировала этот жест.

И тут же мысленно одернула себя.

Ну да. Соус. Просто соус. Не нужно придавать этому лишнего смысла. И тем более придавать смысл Данте.

— Значит, будет мило, — произнес он, и темный взгляд карих глаз на мгновение задел меня сильнее, чем следовало бы.

— Как прошел первый день? — в образовавшуюся паузу между блюдами, Данте обратил на меня свое внимание. — Даже не представляю, какие чувства ты испытываешь перед выходом. Наверное, волнуешься?

Я на секунду задумалась, приподняв бровь.

— Да, волнуюсь. — призналась, расслабленно улыбаясь. — Перед каждым выходом.

— Сначала страх. Ужасный, почти парализующий в последнюю минуту. А потом — я замолчала, подбирая нужные слова. — Потом все исчезает. Есть ты и дорожка перед тобой.

Да, многие модели пытались выделиться. Эффектные позы. Неожиданные действия. Мимика. Эпатаж.

Но чаще всего публика встречала это как отчаянную попытку, жалкое барахтанье. И быстро эти идеи затухали.

Я же спасла почти провалившийся показ, сделав себе изюминку. Я не стремилась попасть в заголовки — хотя все равно попала. Я спасала шоу и прикрывала свою команду.

Мысли унесли меня на годы назад — к тому самому дню, когда страх впервые оказался слабее, чем импровизация.

И лишь спустя минуту я поняла, что за столом давно стало тихо.

Подняв взгляд, разорвав тот мираж прошлого, я встретила глазами с Данте.

Он не торопил, не выдергивал. Казалось, он сам видел те же силуэты прошлого.

— Извините. Иногда я слишком глубоко ухожу в воспоминания, — я качаю головой, глупо улыбаясь.

— Я заметил. — и в его словах не было ни усмешки, ни упрека. И от этого мне стало спокойно.

— Ты любишь то, чем занимаешься, — негромко сказал Данте. — Это редкость в нашей жизни: найти дело, ради которого хочется просыпаться.

Я лишь улыбнулась, согласно кивнув. Слова показались излишними.

— Из любопытства Почему ты не позвонила Энтони? Он не урод, образован, успешен. Да и в целом неплохой мужчина.

Я уже открыла рот, чтобы ответить, но закрыла его, насупившись.

Ответ, который я хотела дать показался мне глупым — будто отговоркой.

«Это неважно»

А что важно?

— У тебя кто-то есть? — поинтересовался Данте, когда я не дала ответа.

— Нет. Дело не в этом, — я качнула головой, — Энтони приятный мужчина. Вежливый, воспитанный. Но он не мой типаж. И, если честно, мне кажется, мы бы не нашли общего языка.

Данте медленно кивнул, ответив мне слабой улыбкой. Она тронула кончики его губ и исчезла.

— Спасибо за честный ответ. — сказал он, спустя несколько секунд. — Не подумай, что я его навязываю. Просто уточнил.

В этот момент в дверь постучали, и Данте отвел взгляд.

— Да, входите.

Официант внес два подноса с тарелками, которые поставил на стол и забрав пустые, скрылся.

Петух в вине. К нему — бокалы с тем же вином, на основе которого был приготовлен соус.

Запах стоял настолько яркий, пряный, что мой рот наполнился слюнями, несмотря на то что место в животе уже заканчивалось.

Я осторожно отделила вилок кусочек мяса, которое распадалось на волокна, и поместила в рот. Нежное. Сочное. Пропитанное вином, травами, долгим томлением.

— М-м.. — невольно застонав, я облизнула губы, слизывая остатки помады с них.

— Я так и думал, что тебе понравится. — Данте отделил кусочек мяса, обмакнул багет в соус и отправил в рот.

— Почему Серафина, а не Серафина? — спросил он, подняв на меня взгляд.

Я улыбнулась.

Этот вопрос мне задавали всю жизнь.

— Родители провели медовый месяц в Италии. Вернулись домой абсолютно уверенные, что если у них родится дочь, то назовут её именно Серафиной. Им нравилось итальянское звучание больше, чем привычное «Серафина».

Данте едва заметно кивнул.

— Красивое имя.

В этот момент официант поставил перед нами салат с грушей, голубым сыром, рукколой и грецкими орехами. Лёгкая лимонная заправка добавляла кислинку, которая неожиданно идеально сочеталась со сладостью спелой груши.

— Как давно ты работаешь моделью?

Я съела несколько вилок и поняла, что еще немного — и просто лопну.

— С одиннадцати лет, — я пожала плечами, — получается, тринадцать лет.

— Рано. — подметил мужчина, после чего я пожала плечами.

Я отодвинула почти нетронутую тарелку, и это заметил Данте. Он опустил взгляд, и будто по одной лишь мысли появился официант, который забрал тарелки и принес тарт-татен, с теплой карамелью и шариком ванильного мороженого.

— Тебе нравится? — спросил Данте, даже не притронувшись к десерту.

Я успела съесть половину, перед тем как остановиться, чтобы не выглядеть дикаркой, поедающей все на своем пути.

— Очень. — честно призналась. — Я люблю это. Люблю сцену, отдачу. Но я уже решила, что уйду красиво.

— На пике?

— Да, именно. Не хочу однажды увидеть, что меня перестали ждать. Это грустное зрелище.

Я отправила в рот очередную ложку горячих яблок с карамелью, сдерживая стон удовольствия.

Для десерта и бри место найдется всегда.

Так гласил закон Серафимы Невмар номер один.

Данте съел десерт за пару ложек, и я лишь грустно посмотрела в след тарелкам. Я бы еще и облизала ее, если бы не Данте.

Вслед за тарт-татеном принесли профитроли, покрытые густой шоколадной глазурью.

Данте взял один шарик, и откусил небольшой кусок, как заметно поморщился, не скрывая эмоций.

— Как же это сладко, — я остановилась, опуская взгляд на свою тарелку, и на последний профитроль, который уже был возле моего рта.

Потом — посмотрела на его нетронутую тарелку. И неожиданно для самой себя, тихо хихикнула.

— Не любите сладкое?

— Почти не ем его.

— Жаль. — я опустила взгляд на его тарелку, и с грустным вздохом съела последний профитроль. — Жаль будет их выкидывать. Так вкусно.

Данте впервые за вечер громко рассмеялся, пододвигая ко мне свою тарелку. Мне хватило секунды, перед тем как отправить десерт в рот.

— Я впервые вижу девушку, которая не первом свидании без стеснения забирает мой десерт.

— Это не свидание, — подмечаю, облизывая палец от шоколада.

— Да, я пошутил просто. — Данте мягко улыбается, почти в извиняющемся жесте.

— Заказать еще? — Данте кивнул на мою, а после на свою пустую тарелку.

— Нет, спасибо.

— В следующий раз закажу сразу две порции профитролей.

Фраза прозвучала так естественно, что я не сразу уловила смысл, когда он потянулся за бумажником.

— Спасибо за вечер, Данте.

— Это мне стоит благодарить тебя.

— Было бы еще за что. — я усмехнулась, открывая сумку. — Я только ела, и кажется, больше молчала. Сколько я должна за ужин?

Он замер, открыв кошелек и перевел на меня темный взгляд.

С его лица впервые за вечер ушла легкость, и он сжал челюсти, отчего на скулах отчетливо заходили желваки.

Я невольно отшатнулась — от теней, которые спустились от него в мою сторону и замерла.

— Ужин был моим приглашением, Серафина. — его голос звучал спокойно, и буднично, хотя мимика выдавала раздражение, — И признаюсь, я сейчас в легком шоке.

Его взгляд был прикован к моему лицу, изучая реакцию. И мне стало не по себе. Я ощутила себя ужином, который собираются купить.

— Мне даже не пришло в голову, что ты можешь решить, будто я позволю тебе оплатить.

— Просто вы мне ничего не должны. И я вам тоже. Мне кажется правильным оплатить свою часть.

Он молчал несколько секунд.

Потом медленно выдохнул.

— Нет.

— Ты была моей гостьей. Я пригласил тебя. Значит, счет — моя забота.

Я замерла, все еще держа сумку открытой и встретила с ним взглядом.

Он был удивлен: его взгляд ярко вспыхнул. Будто с ним ни разу не пытались заплатить окружающие люди.

Мы вышли из приватной кабинки, и прошли мимо ресепшена, где администратор пожелала нам доброго вечера, и приглашала еще.

— Кстати Это тебе.

Данте помог мне надеть пальто, привычным движением расправив воротник, после чего обернулся к официанту, который торопливо шел к нам с бумажным крафтовым пакетом.

Тот передал его Данте, пожелал хорошего вечера и исчез за дверью ресторана.

— Что это? — с подозрением спросила я.

Любопытство не давало мне покоя всю дорогу до машины. Я косилась на пакет, пытаюсь угадать его содержимое по весу и запаху.

Когда мы сели в автомобиль, Данте передал его мне, и букет пионов, про который я уже забыла, вновь лег на мои колени.

Я осторожно заглянула внутрь пакета. На дне стояли две коробки. В первой — бри де мо. Во второй — ассорти профитролей.

Я подвисла на несколько секунд, беспомощно хлопая ресницами прежде, чем протянуть его обратно. Это было мило. И это явно уже выходило за социальные рамки общения, и переходило во флирт.

— Я не могу это принять.

— Почему? — он вопросительно поднял бровь, пока автомобиль плавно встроился в плотный поток.

— Цветы, ужин. Сыр, десерт. Я не ищу знакомств, и это..

Несколько секунд Данте просто смотрел на меня, прежде чем кивнуть.

— Серафина. Я женат. — я моргнула, когда он ответил своим бархатистым голосом, настолько пропитанным нежностью и любовью, что у меня перехватило дыхание. — И я люблю свою жену.

— Это не попытка за тобой ухаживать. Я просто говорю «спасибо». За вечер, компанию, разговор. — он ненадолго замолчал, все еще смотря на меня.

— А десерт.. — уголок его губ дрогнул, — Мне понравилось, что ты не из тех девушек, которые весь вечер голодают, чтобы оставить о себе лучшее впечатление.

Я окончательно растерялась.

— Ох...

Щеки мгновенно вспыхнули.

Стало мучительно стыдно.

Я поспешно забрала обратно и букет, и пакет, крепко прижимая их к себе, словно надеялась спрятаться за ними.

— Простите...

— Не за что извиняться.

Он даже не дал мне договорить.

— Ты сделала вполне логичный вывод.

Я отвернулась к окну.

За стеклом медленно проплывали ночные улицы Парижа.

А я думала только о том, что еще никогда в жизни не чувствовала себя настолько неловко.

— Однако, — его голос стал ниже, мягче, с легкой хрипотцой, — как мужчина я не могу не сказать, что мне было особенно приятно провести вечер в компании такой красивой и очаровательной девушки.

Я медленно повернула к нему голову.

Он не улыбался.

Не подмигивал.

Его слова не были попыткой заигрывать. Просто как факт. И эти слова оказали на меня самый большой эффект: внизу живота медленно стягивался тягучий узел.

Я возненавидела свое тело за реакцию. За то, как оно откликалось на голос, жесты, взгляд Данте.

— Спасибо, мистер Хадсон...

Я осеклась под его более строгим взглядом, в котором не было упрека, лишь мягкое напоминание.

— Данте.

Лишь после этого уголки его губ едва заметно дрогнули.

— Вот теперь правильно.

И я вдруг поняла, что перейти с «мистера Хадсона» на «Данте» оказалось гораздо интимнее, чем принять цветы или согласиться на ужин.

— Завтра у тебя опять показ?

— Я выхожу каждый день до субботы. Потом возвращаюсь домой.

— Понял, — Данте кивнул. — Завтра у меня последний день в Париже. Ночью улетаю домой.

Я тоже кивнула, стараясь не искать в его словах скрытого смысла. Он просто поддерживал разговор. У него есть жена, о чем я мгновенно напомнила своему телу, которое пульсировало.

И он не пытался меня соблазнить.

Жаль.

Мысль возникла так внезапно, что я едва не поморщилась. Эта идея была настолько грязной и запретной, переходящей нормы приличия, что я отдернула себя мысленно.

Прекрати. Хватит.

Но чем больше я говорила, что это неправильно, тем больше я хотела ощутить его. И тем больше это ощущение к нему было ощутимо.

Меня тянуло к нему.

Не потому, что он приглашал в дорогие рестораны или дарил цветы.

Нет.

Меня опасно притягивал сам Данте — его спокойствие, уверенность, его голос, привычка смотреть так, словно вокруг никого больше нет. Его жесты, манеры, плавность движений. Та необузданная сила, которая скрывалась за строгим пиджаком.

Погрузившись каждый в свои мысли, мы почти не разговаривали до самого отеля.

Я даже не заметила, как автомобиль плавно остановился у входа в «Лё Бристоль».

Данте первым вышел из машины и, как делал это весь вечер, открыл передо мной дверь, протягивая руку, чтобы помочь выйти.

И вот уже стоя на тротуаре, в тонком пальто, я несколько секунд молча хлопала ресницами, глядя на Данте.

— Большое спасибо за ужин, Данте.

— Спасибо тебе, Серафина. Доброй ночи.

— Доброй ночи.

Я подарила ему широкую улыбку, на которую он ответил едва заметным кивком.

Он дождался, пока я войду в холл отеля, и только тогда сел в машину.

Я поглядывала, чуть повернув голову вбок, как его фигура исчезает.

В номере было тепло. Я поставила пионы в вазу, долго поправляя стебли, надеясь, что они простоят дольше.

Сыр и десерт убрала в мини-холодильник.

А затем наконец занялась рутиной: скинула платье и встала под горячие струи душа. Вода согрела кожу, которая казалось, начала гореть, как только я вспомнила Данте.

Его ладонь, когда он помогал выйти из машины.
Пальцы на моем локте.
Мягкое, почти невесомое прикосновение на талии, когда мы шли.
Ничего лишнего или интимного — но именно это показывало, что Данте не стал бы демонстративно лапать, чтобы заявить свои права.
Я раздраженно провела ладонями по лицу.
— Соберись, Серафина...
Он женат.
Любит свою жену.
И весь вечер вел себя безупречно.
Проблема была вовсе не в Данте.
Проблема была во мне.
Я выключила воду, закуталась в мягкий гостиничный халат и легла поверх одеяла, надеясь, что усталость окажется сильнее мыслей.
Но, закрывая глаза, я снова слышала его голос. Низкий. Спокойный.
И вновь ощутила его парфюм.
Сон в ту ночь пришел далеко не сразу, пока тело не получило желаемую разрядку.

Глава 4

При выходе из помещения мой взгляд сразу зацепился за Данте.

Он стоял на том же месте, что вчера, и среди худощавых мужчин, так характерных для Парижа, казался почти нереальным — широкие плечи, уверенная осанка, и сила, которая струилась, не скрываемая строгим костюмом. Он обернулся и его взгляд безошибочно нашел меня.

Темное пальто было расстегнуто, позволяя холодному ветру играть его полами, но, в этот раз холод меня не тронул. Я уверенно ступила ему на встречу.

— Добрый вечер, мистер Хадсон. — с улыбкой поприветствовала мужчину, как только оказалась достаточно близко.

— Добрый вечер, Серафина. — уголки его губ дрогнули, выдавая едва заметную улыбку.

— Кажется, вчера мы договорились, что просто Данте.

— Привычка. — я рассмеялась, откидывая волосы назад, оголяя шею.

Как и вчера, к тротуару бесшумно подкатил черный автомобиль.

Данте открыл для меня дверь, делая шаг в сторону.

— Поужинаешь со мной?

— С удовольствием. — я даже не задумывалась над ответом, села в салон.

Сегодня во мне не было прежних сомнений. Черная кожа не казалась холодной, наоборот, ее ощущение успокаивало нервные окончания.

Данте занял место рядом, за водителем.

— Надеюсь, ты сегодня тоже голодна, — с легкой усмешкой произнес Данте, бросая на меня взгляд.

— Если в программе снова будет Бри де Мо, то можете не сомневаться, — не сдержавшись, широко улыбаюсь.

Я откровенно флиртую, прищуривая взгляд и сразу одергиваю себя.

— Я думала, вы уже вылетели домой.

— Самолет через пару часов.

Он наклонился, доставая из фирменного пакета, стоявшего у его ног, небольшую коробку, ярко-красного цвета с золотой эмблемой.

— У меня для тебя небольшой подарок.

Я даже не протянула руки, отрицательно мотнув головой.

— Я не могу его принять. При всем уважении.

Несколько секунд он смотрел на меня, будто осмысливая мой отказ, а после кивнул, убирая коробку в пакет, будто это было обычным действием.

Он не стал давить, убеждать, и я легко выдохнула, поднимая подбородок выше.

Я смущенно посматривала на Данте боковым зрением, пока он набирал что-то быстро в телефоне, не отвлекаясь на меня или пейзажи.

Любопытство было совершенно неуместным, а прием такого подарка — и вовсе. Но я несколько раз скользила взглядом вниз, пока автомобиль не остановился у входа в ресторан.

Этот ресторан был для меня незнаком, но, по количеству подъезжающих машин премиального класса, было легко догадаться, какого уровня это заведение.

Данте первым вышел наружу, и обойдя машину, открыл передо мной дверь.

— Осторожно.

Я вложила пальцы в его ладонь, позволяя помочь мне выйти из машины и поправила пальто, перед тем как переступить неудобный бордюр.

Когда я сделала шаг, его свободная ладонь легко легла поверх моей кисти, страхуя движение.

Прикосновение длилось не больше, чем требовала ситуация. Пара мгновений.

Но эти мгновения показались мне вечностью, а ощущение его тепла так и не ушли.

— Одно мгновение, Серафина, — негромко произносит Данте, отпуская мою руку и оставляя меня стоять возле входа.

Я непонимающе нахмуриваюсь, пока он спокойно направляется к ближайшей урне, прихватив с собой фирменный пакет Cartier.

Я несколько секунд не понимала, что именно он собирается сделать. И сорвавшись, громко стуча каблуками, успеваю перехватить пакет, раньше, чем Данте его отпускает.

— Данте!

Он поднял на меня взгляд. В котором я прочитала удовлетворение.

Будто он знал, что я поступлю именно так.

— Я подумала.. что все-таки смогу найти для него место.

На его губах медленно появилась сдержанная улыбка, почти незаметная, но которая тронула его глаза, которые в миг просветлели.

— Вот как.

Я прищурилась.

— Это было нечестно.

— Разве? — он склоняет голову, и голос напоминает кошачий: мелодичный, чуть мурчащий, так выделяемый на фоне остальной суматохи.

— Ты сказала, что не можешь принять подарок.

— Манипуляция, — фыркнула, делая шаг назад и перехватывая пакет другой рукой.

— Возможно. — он соглашается, мелко кивнув. И эти жесты в его поведении так не вяжутся с его серьезной репутацией.

— Думаешь, для такой мелочи найдется место на твоей полке?

Я посмотрела на фирменный логотип, потом на Данте и пожала плечами.

— Придется немного потесниться.

И он рассмеялся, негромко, но искренне. И я, неожиданно для себя, рассмеялась вместе с ним.

Его рука скользнула мне на талию, когда мы подошли достаточно близко ко входу.

У входа нас уже ждала администратор. И одарив нас с Данте приветливой улыбкой, она проводила нас в отдельную кабинку, где шум ресторана мгновенно растворился в интимной тишине.

— О

Я осторожно открываю фирменную коробочку, игнорируя уже ожидающий нас на столе сыр Бри де Мо, канапе и шампанское.

Внутри на черном бархате лежала тонкая цепочка из розового золота с небольшим круглым бриллиантом. Она была минималистичная, изящная. Такая, которую можно носить каждый день. И которую захочется носить каждый день.

Я осторожно пропустила цепочку между пальцев, наблюдая, как камень ловит теплое освещение помещения и улыбаюсь.

— Какая красота.

— Нравится? — негромко спрашивает Данте, и я вижу, как его рука тянется в мою сторону и застывает. Но он лишь берет канапе, и отправляет ее себе в рот.

— Очень.

Я улыбнулась совершенно искренне, подняв на него взгляд. Он не смотрел на украшение, он смотрел мне в глаза. И я прикусила щеку, игнорируя мягкую интимность.

— Правда, очень.

И виновато поджала уголки губ, пожимая плечами.

— Просто мне неловко.

— Почему?

Он чуть подался вперед, опираясь предплечьями о край стола, и я невольно засмотрелась, как тень падает на стол от его фигуры.

— Это очень дорогой подарок, мистер Хадсон, — его бровь едва заметно приподнялась.

— Данте. — я поспешила исправиться, и получив удовлетворенный кивок, расслабилась.

— Так почему тебе не ловко?

Я опустила взгляд на коробку с цепочкой.

— Потому что такие вещи не дарят людям, которых знают всего несколько дней.

Я потянулась к бокалу с шампанским, сделав глоток, чтобы утолить жажду и пересохшее горло.

— А если я скажу, что она не была дорогой?

Я вопросительно посмотрела на него, не понимая, к чему он клонит.

— Я увидел цепочку и подумал о тебе.

У меня перехватило дыхание, и я уставилась на него, приподняв брови.

С Данте я не могла понять, шутит он, флиртует, или говорит обыденно, будто о погоде.

Иногда казалось, что он вовсе не замечает, какие слова произносит.

Или, наоборот, он точно знал, что его слова ускоряли мое сердцебиение.

— Она такая же. Без показной роскоши. Просто красиво.

И я слабо кивнула.

Все еще не понимая, что это за чувство.

Но начинала понимать другое.

Мне все труднее было убеждать себя, что этот вечер ничего для меня не значит.

— Серафина, буду честен. — Данте оторвался от первого блюда, поднимая на меня взгляд. — Работа занимает слишком большую часть жизни сейчас. Семья тоже сейчас переживает непростой период. Иногда кажется, что я уже забыл, какого это — просто провести вечер вне работы, быта и суесть.

Я не перебивала, ожидая, когда он закончит. Но в рот не лез ни кусок.

— Поэтому вечер с тобой оказался для меня отдыхом. Без напряжения. Без необходимости что-то доказывать. Просто разговор с умной девушкой.

— И все же мне трудно понять, как обычное общение может стоить таких подарков. Было достаточно, что вы оплатили ужин, — я мягко улыбаюсь, делая глоток шампанского.

— Это очень щедрое «спасибо» за два ужина.

— Для меня — нет, — спокойно ответил Данте.

— Иногда возможность провести несколько часов в хорошей компании оказывается ценнее денег.

Я опустила взгляд.

— У вас действительно все настолько сложно?

Данте замолкает, отводя взгляд. И я уже спешу одернуть себя за то, что полезла в личное.

— Мы с Лаурой стали меньше слышать друг друга. Я ухожу в работу, она остается дома. — он прокручивает шампанское в бокале. — Когда встречаемся — уставшие, злые, раздраженные. Я знаю, что виноват. Но изменить пока ничего не получается. — он грустно улыбается.

Мне становится легче после этих слов. Он просто сделал паузу. Чтобы собрать себя по кусочкам.

Но одновременно внутри словно кто-то осторожно толкнул меня в спину, направляя.

Он ведь сейчас так уязвим...

Стоило бы улыбнуться чуть теплее. Коснуться его руки чуть дольше. Сказать что-нибудь, отчего он посмотрел бы на меня не как на собеседницу... а как на женщину. Чтобы горел мной. Не сгорать в одиночестве.

Я испуганно оборвала собственные мысли.

Нет.

Не смей.

— На показе она действительно была раздраженной, — я аккуратно подбираю слова, надеясь, что это не прозвучит как оскорбление.

— Да. — он кивнул, спокойно соглашаясь. — Последнее время все так и происходит. Она злится на меня, и срывается.

— Мне кажется вы очень хороший муж. — он поднял на меня удивленный взгляд, будто не ожидал такого ответа. — Просто сейчас вы оба устали. Страсть прошла, начались будни. И если люди не разговаривают, то начинаются крики.

Перед глазами у меня появляется картина из детства. Как мама ругалась из-за работы с отцом. Но они всегда садились и обсуждали, какие выходы могут бы

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.